

А.Ю. Хабутдинов

Оренбургское магометанское духовное собрание как основополагающий общенациональный институт в 1788–1917 гг.

В 1788 г. мусульманское сообщество Европейской России и Сибири было институционализировано Российским государством в форме Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), близкой к миллету¹. Мнения мусульман Волго-Уральского региона о религиозной автономии представлены в их наказах в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Они были разделены по различным сословным и территориальным группам. Ключевым термином здесь является «магометанский (мусульманский) закон», то есть мусульманское шариатское право. В качестве судей выступают ахуны и муллы. Следует отметить единодушие в этом вопросе самых различных групп: служилых татар Казанского, Пензенского и Саранского уездов [Ташкин, 1922, с. 130], башкир Уфимской провинции, башкир Исетской провинции, татар Сеитовской слободы (Каргалы), ясачных татар Казанской дороги Уфимской провинции, служилых мишарей и татар Уфимской провинции, мишарей Исетской провинции. Но речь в наказах шла не о создании централизованной религиозной администрации, а о свободе вероисповедания и об избрании четырех ахунов для Уфимской провинции. При этом в выборах должны участвовать различные этносословные группы: башкиры, тарханы, мещеряки (мишаре) и ясачные татары, «ибо все мы одного магометанского закона состоим». Расшифровка полномочий этого суда дается в наказе башкир Уфимской провинции. Здесь упор делается на брачно-семейное право: наследование (*мирас*), основания для развода (*талак*), установление степени родства, препятствующего заключению брака. Кроме того, за имамами фактически закрепляются полномочия мухтасиба по контролю за соблюдением поста (ураза) и посещением пятикратных молитв. [Кулбахтин И., Кулбахтин Н., 2005, с. 92–94, 114, 207–208, 250, 254, 259.]

В отсутствие стабильных путей сообщения муфтий в Уфе фактически оставался малодоступным для большинства населения. Поездка

1 | Миллет — форма религиозного самоуправления, в рамках которого регулируются некоторые правовые нормы, касающиеся институтов общины и личного статуса ее членов.

к нему могла быть делом месяцев. Поэтому ахун — глава духовенства региона — был ключевой фигурой. До создания Оренбургского магметанского духовного собрания (ОМДС) в 1788 г. ахуны были главами духовенства городов и башкирских дорог (областей) Приуралья [Материалы по истории Башкирской АССР, 1936, с. 113]. Ш. Марджани и Р. Фахраддин первым ахуном называют Юнуса б. Иваная (1639?–1689?) из аула Ура в Заказанье [Марджани, 1900, с. 186–188; Фахраддин, 1901, с. 38–40]. Однако непонятно, насколько он признавался в этом качестве царской администрацией. В единственном числе упоминается ахун Ногайской дороги Бек-Булат в письме батыра Кусюма, направленном против восставшего батыра Алдара в 1709 г. [Материалы, 1936, с. 253]. Ахуны и позднее выполняли роль посредников, легитимизируя светскую власть, особенно в Приуралье. Здесь власть была движущейся, почти кочевой, передвигающейся по мере строительства крепостей. Так, при полковнике К.-М. Тевкелеве во время строительства Оренбурга в 1730-е гг. находился ахун Ибрахим б. Мухаммад-Туляк. [Марджани, 1900, с. 209; Фахраддин, 1901, с. 40–41]. При Абулхаир-хане в качестве посредника для контактов с начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым использовался Мансур-ахун. В 1737 г. через него шла информация о мерах Абулхаир-хана по проправительственной агитации среди восставших башкир. Подполковник Останков из Оренбурга через ахуна Мансура передавал информацию о наградах за поимку башкирских повстанцев. [Материалы, 1936, с. 343].

В рапорте начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова и начальника Комиссии башкирских дел А.И. Румянцева от 16 декабря 1735 г. утверждалось, что все 10 ахунов Приуралья являются выходцами из казанских татар. По указу императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. их число было сокращено до 4 — по 1 на каждую дорогу. Ахуны при этом оставались выборными, но утверждались властями наместничества и приносили присягу на верность императору в Уфе [ПСЗРИ. I. Т. 9, с. 741–745]. Это давало им возможность прямых контактов с властями. С основанием Каргалы Абдассалам б. Урай в 1746–1786 гг. был ее ахуном, став тем самым первым ахуном городского поселения [Денисов, 2009 (1), с. 154]. В Каргале был создан прецедент сдачи экзамена на должность ахуна — в 1771 г. Абдулла Муслимов стал ахуном Исетской провинции [Азаматов, 1999, с. 20]. Тем самым был заложен принцип прохождения экзамена для получения должности духовенства. Вторым важнейшим принципом стало утверждение выборов властями. Ключевую роль здесь играла Каргала, как подконтрольное властям мусульманское поселение городского типа [Денисов, Хабутдинов, 2009, с. 79]. Именно ахун Каргалы Мухаммаджан Хусаин стал первым ахуном края в 1786 г., что означало прежде всего его важную роль во внешнеполитической деятельности [Азаматов, 1999, с. 23–24].

22 сентября 1788 г. был принят именной указ Екатерины II «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими», тем самым был создан единственный орган, объединявший всех мусульман Внутренней России и Сибири — Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Следует отметить, что в Указе ОМДС определялось как «духовное собрание Магометанского закона», при этом только слово «Магометанского» пишется с большой буквы. [ПСЗРИ. I. Т. 22, с. 1107]. В этот же день по именованному указу Сената ахун Каргалы Мухаммаджан Хусаин стал муфтием всех мусульман России, «исключая Таврическую область» [ПСЗРИ. I. Т. 22, с. 1107–1108].

Сочетание принципа назначаемости муфтия (формально закрепленного только в 1891 г.) с принципом избираемости трех казиев из числа улемов Казанской губернии (Указ Сенатский 17 августа 1793 г. [ПСЗРИ. I. Т. 23, с. 452–454, № 17146]) давали возможность учесть интересы как имперской власти, так и самих мусульман. Если принять во внимание, что все муфтии до Мухаммад-Сафы Баязитова (до 1915 г.) были выходцами из Уральского региона, то казии представляли интересы татар Поволжья. До 1871 г. избрание казиев проходило в Казани коллегией местных имамов фактически под контролем городской мусульманской элиты.

В итоге мусульманское «духовенство» ставилось под контроль государства, полностью определявшего его кадровый состав. Если учесть, что в России уже существовала свобода вероисповедания для лиц, официально зарегистрированных как мусульмане, то этот указ устанавливал механизм надзора за духовными лицами, при этом основное внимание уделялось их лояльности Российскому государству («люди, в верности надежные...»). Наместник (генерал-губернатор) Симбирской и Уфимской губерний барон О.А. Игельстром разработал в 1789 г. Положение об ОМДС, в котором жестко определялся механизм получения «духовного чина» имама и ахуна. После избрания сельской общиной нужно было получить от уездного земского исправника или кантонного начальника документ, удостоверяющий лояльность и указывающий на проживание в данном селении и губернии. Документ предоставлялся наместническому (губернскому) правлению, и с санкции последнего испытуемый мог держать экзамен в ОМДС в присутствии губернских властей в лице двух заседателей верхней расправы (суда). После экзамена его результаты утверждало наместническое правление. На уезд должно было приходиться не более двух ахунов, под их наблюдением находились бы мечети, религиозные школы и их служители [Материалы, 1960, с. 563–564]. К 1800 г. в ОМДС подверглись экзамену 1921 человек, что фактически означало контроль над абсолютным большинством приходов. Только за 1791 г. были проэкзаменованы 789 человек, включая 7 ахунов, 2 помощни-

ков ахунов, 51 мухтасиба, 527 мулл (имамов), 9 мударрисов, 339 азан-чеев (муэдзинов), 10 фаррашей и 15 муджавиров [Материалы, 1960, с. 563–684].

Таким образом, мы видим выстраивание трехуровневой системы: само Собрание–ахун–имам. До создания ОМДС система фактически была двухуровневой: ахун–имам. Ранее ахуны сами взаимодействовали с представителями светских властей, теперь эти функции взяло на себя ОМДС. Однако при отсутствии быстрой связи с Уфой, ахуны (например, Ибрагим Худжаши в Казани) решали вопросы шариатского права в случае конфликтных ситуаций в сфере семейного права: брак, развод, наследование. Они фактически выполняли функции апелляционной инстанции [Хабутдинов, 2009, с. 94–99]. По этой причине многие имамы стремились занять этот пост, что вело к росту их численности. Если к 1788 г. мы можем говорить о 4 ахунах для всей Оренбургской губернии, то в 1851 г. их было уже 25 человек. Попытка придать по проекту «Правил о магометанских супружеских делах» законодательный статус должности ахуна как окончательной инстанции в рассмотрении судебных дел по вопросам семейного права потерпела неудачу. Характерно, что 28 марта 1824 г. проект поддержали два ключевых имама края: оренбургский ахун Габдессалам б. Габдррахим [Хабутдинов (1), 2004, с. 67–68] и выдающийся имам и мударрис 1-го прихода Каргалы Габдуррахман б. Мухаммадшариф [Денисов, 2009 (2), с. 19–20]. Однако, если Таврическое магометанское духовное собрание одобрило проект, то муфтий ОМДС Мухаммаджан б. Хусаин отказал в праве своим заседателям (казыям) обсуждать его [Азаматов, 1999, с. 124]. Он прекрасно понимал, что дело сводится к сужению полномочий самого ОМДС, но не хотел конфликтовать с могущественным руководителем Министерства духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыным, который предложил проект «Правил о магометанских супружеских делах». Однако проект не был воплощен, поскольку в мае 1824 г. Голицын был смещен с поста в результате придворных интриг. В итоге 15 мая 1825 г. оренбургский гражданский губернатор Р.В. Нелидов указал на то, что «магометанские чиновники, получив новую степень власти, обратятся не на пользу, а к всяческому гонению своей паствы». Р.В. Нелидов предложил рассматривать все брачные и семейные споры в гражданских судах. Однако до Судебной реформы 1864 г. это было невозможно осуществить практически. Протест оренбургского гражданского губернатора можно понять в том смысле, что судебные функции ахуна фактически приближались к функциям епископа. В 1847 г. ОМДС уведомляло МВД, что функция ахуна сводится к рассмотрению семейных тяжб [Азаматов, 1999, с. 93]. При этом, в отличие от контактов с православным духовенством, отсутствовал механизм взаимодействия ахуна и губернатора.

21 сентября 1828 г. был принят сенатский указ «О введении к употреблению метрических книг по Оренбургскому духовному ма-

гометанскому собранию» [ПСЗРИ. II. Т. 3, с. 837–840], где подтверждалась компетенция ОМДС по вопросам семейного права, включая фиксирование рождений и смертей и условий брака. Один экземпляр метрических книг оставался в мечети, а один посылался в ОМДС, так что светские власти получили возможность реального контроля за ситуацией на местах [Азаматов, 1999, с. 125]. Однако вместо вмешательства в повседневную жизнь они предпочли осуществлять контроль через правление ОМДС, а не путем передачи его ахунам на местах. Характерно, что тот же оренбургский ахун Габдассалам б. Габдррахим проводил политику централизации, став с 1825 г. муфтием ОМДС.

До конца непонятна функция мухтасибов, однако, по всей видимости, вначале именно они выполняли функцию контролеров за действиями имамов на местах. По мере роста числа ахунов различие их функций становилось все менее понятным. Так, в 1851 г. в Оренбургской губернии было 25 ахунов, а в 1855 г. — 26 мухтасибов. По мере роста числа ахунов здесь в 1868 г. остался только 1 мухтасиб [Азаматов, 1999, с. 92–93; Азаматов, 2005, с. 255–256; Азаматов, 2008, с. 217]. При этом формально к ахунам предъявлялись более высокие требования с точки зрения образованности.

Духовенство башкирских даруг с 1798 г. оказалось фактически под полным контролем кантонных начальников. В соответствии с именным указом Оренбургскому военному губернатору барону О.А. Игельстрому от 10 апреля 1798 г. к материальному обеспечению служащих на Оренбургской линии привлекалось все духовенство из башкир, кроме «только одних мулл, которые по духовному своему званию при мечетях службу свою отправляют». Одиннадцатый пункт инструкции — «Ордер, данный башкирским и мещеряцким кантонным начальникам» — резко ограничивал численность духовенства и ставил его назначение под полный контроль кантонных начальников. По инструкции, отпуск любого подчиненного вонне зоны кантонов осуществлялся только «с позволения главного военного начальника» [ПСЗРИ. I. Т. 25, с. 189–197].

Такой же принцип двух ключей: со стороны как ОМДС, так и наместнического правления, был намечен в Положении об ОМДС при строительстве мечетей. Причем, как правило, при 100 дворах должна была находиться 1 мечеть [Материалы, 1960, с. 565]. Контроль ОМДС распространялся не только на мечети, но и на мектебы и медресе. Поскольку у властей отсутствовали реальные инструменты контроля, то провозглашался принцип существования учебных заведений только при мечетях. Соответственно, преподаватели должны были сдавать экзамен при ОМДС. При этом ОМДС должно было составлять ежемесячные списки учащихся и представлять один экземпляр списка губернатору и один в Приказ общественного призрения. Причем открытие школ происходило бы в разрешительном порядке: вначале ОМДС давало санкцию, которую впоследствии должно было подтвердить на-

местническое правление [Материалы, 1960, с. 566] Такой контроль над школами был невозможен в тот период чисто логистически. Первые сведения о медресе Казани, их мударрисах, преподаваемых предметах и числе учащихся относятся к 1816 г. (из-за утраты казанских архивов при пожаре 1815 г.) [Медресе Казани, с. 13–14]. Принцип детального контроля над контингентом преподавателей и учащихся, предложенный в Положении об ОМДС, стал реальным в начале XX в. [Медресе Казани, с. 132–141].

Согласно свидетельству Ш. Марджани, Духовному собранию были поручены следующие вопросы: «давать мусульманам подчиненного им округа фетвы о верности или ошибочности деяний в религиозных или духовных делах; принятие экзаменов у лиц, назначаемых на должности выполняющих обязанности по Шариату ахунов, мухтасибов, мударрисов, хатыбов, имамов и муэдзинов в вопросах науки, практики и морали; выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей; раздел имущества мусульман по Шариату» [Марджани, 1900, с. 286].

Будущий муфтий Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России, тогда казый Оренбургского магометанского духовного собрания Риза Фахраддин сформулировал три основные задачи, обусловившие создание ОМДС: привить восточному исламу любовь к России; оставить без силы не имеющих официального статуса улемов, оказавшихся под скипетром России; превратить ислам на берегах Волги и Урала в официальную религию и распространить везде мектебы и медресе [Фахраддин, 1902, с. 9–10].

Само ОМДС с 1810 г. подчинялось Министерству внутренних дел. До 1874 г. МВД контролировало и мусульманские школы, имевшие статус частных учебных заведений. Их открытие проводилось фактически в уведомительном порядке. Первые правила, регулирующие их деятельность, были изданы только в 1870 г., и порядок открытия профессиональных школ стал разрешительным. С 1874 г. эти школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, что привело к фактически двойному подчинению имамов, являвшихся, как правило, и мударрисами [Хабутдинов, 2001, с. 55–56].

Важнейшей функцией муфтия с точки зрения мусульманского права является издание фетв, разъясняющих любую проблему с позиции шариата. Таким образом, Российское государство получило в свои руки контроль над обеими ключевыми для мусульман-татар сферами права. Вопросы светского права и так контролировались государством, а вопросы религиозного права, догматики и семейного права перешли в руки назначаемого государством муфтия. ОМДС сохранило петровскую коллегиальную систему, которая в общегосударственных органах власти с 1802 г. была заменена системой министерской, где вся власть находится в руках одного руководителя. Однако, несмотря на периодически возникающие конфликты муфтия и

казыев, это не противоречило государственным интересам, наоборот, создавало систему сдержек и противовесов внутри татарской мусульманской элиты.

ОМДС и его духовенство не обладало материальными и властными ресурсами. Большая часть вакфов в Поволжье была конфискована еще сразу после уничтожения Казанского ханства, и окончательно этот процесс был завершён в период правления Анны Иоанновны (1730-е гг.). Вакфы на башкирских территориях были незначительны. Рост числа вакфов начинается во второй половине XIX века, но и тогда доходы от них оставались несравнимыми с соответствующими доходами в мусульманских государствах. В этом заключалось коренное отличие имущественного положения российского мусульманского духовенства от православного, а также от духовенства в мусульманских государствах.

Особенностью структуры ОМДС было отсутствие механизма контроля над положением на местах. Формально их было даже два — ахуны и мухтасибы. Однако, как мы указывали, не были четко определены их обязанности и, как правило, они были разбросаны по деревням, не всегда могли оказать влияние на местных имамов. К тому же контакты с местными светскими властями официально шли через правление ОМДС, что с учетом тогдашних путей сообщения было малореальным. В 1804 г. муфтий Мухаммаджан Хусаин предложил проект централизации духовных органов на местах. Он выступал против контроля со стороны местных властей над вопросами, входившими в компетенцию ОМДС, предлагал создать в Санкт-Петербурге коллегия по мусульманским делам и ее филиалы в основных мусульманских губерниях.

В 1808 г. в Казанской и в 1822 г. в Оренбургской губерниях у местной администрации и мусульман также возникали идеи создания губернских духовных правлений. В 1822 г. чиновники Оренбургского губернского правления предлагали создать в Петербурге Высшее духовное собрание — коллегия ахунов, имеющую право апелляционного суда по вопросам церковного права. Уже в начале XIX века мусульманская элита и ряд чиновников понимали необходимость увеличения автономии духовных властей, наличия строгой централизации духовной власти и соответствия структур духовных органов административно-территориальному устройству России. Все эти проекты не были реализованы, и практически единственным механизмом контроля со стороны ОМДС было временное изъятие указа или лишение его [Азаматов, 1999, с. 33; Марджани, 1900, с. 168–175].

Если за противником не стояли губернские власти, то М. Хусаин смещал его. Так, наиболее серьезной попыткой противостояния политике централизации ОМДС стала деятельность имама деревни Ура Казанской губернии Хабибуллы б. Хусаина аль-Уруви. В 1804 г. Хабибулла отправился в Петербург, где добивался создания самостоятельных ду-

ховных правлений в Пензенской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерниях. Саратовское губернское правление предлагало вариант создания такого рода Собрания при условии его номинального подчинения ОМДС. Штаты его правления фактически были аналогичны штатам ОМДС, причем предполагалось введение сана муфтия. Отличие состояло в том, что правление должно было финансироваться за счет самих мусульман. Административный ресурс муфтия и неудачное использование Хабибуллой Хусаином термина «халифа» (воспринятое властями как претензии на полномочия османского султана и халифа) блокировали его инициативу, однако он продолжил свою оппозиционную деятельность [Азаматов, 1999, с. 32–33]. В 1813 г. казанский губернатор добился от князя А.Н. Голицына поддержки Х. Хусаина [Фахраддин, 1903, с. 197–199]. Столь же безуспешной для муфтия оказалась попытка сместить с поста старшего ахуна Казани, имама 5-й мечети Сагита б. Ахмета (Сагитова) [Фахраддин, 1903, с. 197].

В целом в первой половине XIX века упрочились позиции официального духовенства и буржуазии, ориентировавшейся на сотрудничество с государством. Первый муфтий ОМДС М. Хусаин (1788–1824 гг.) проводил политику, направленную на подчинение духовенства как ему лично, так и государству. Бухарская традиция, опиравшаяся на подчинение религии государству, соответствовала этим целям.

До сих пор дискуссионным является вопрос о первом инициаторе выборности муфтия в России. Хронологически наиболее ранним из изданных является доклад сенатора И.В. Лопухина, посланный 18 февраля 1803 г. на имя императора Александра I. В третьем пункте он предлагает «муфтия выбирать всему магометанскому обществу Таврическому через собрание в губернском городе [Семфирополе] мурз и депутатов от поселян каждой волости, которым и выбирать трех кандидатов, о коих с мнением своим общему собранию губернского правительства представлять на утверждение Правительствующему Сенату; от сего же... подносить доклад и Вашему Императорскому Величеству». [Арапов, 2006, с. 35]. За исключением последнего момента (утверждение Правительствующим Сенатом), что, возможно, отражает либерализм первых лет правления Александра I, мы фактически видим модель для проектов избрания муфтия ОМДС, включая заседание Совета улемов при ОМДС в апреле 1905 г. В свою очередь, 28 сентября 1805 г. таврический гражданский губернатор Д.Б. Мертваго, принимавший участие в создании ОМДС, предложил иной вариант выборов: от каждого города и уезда представляется по два кандидата начальнику губернии, который сам выбирает трех кандидатов для представления министру внутренних дел с целью утверждения императором [Арапов, 2006, с. 45].

Если Оренбургское и Казанское губернские правления совместно стремились ограничить контроль М. Хусаина за кадрами на местах, то после его смерти они вступили в конфронтацию по поводу назна-

чения будущего муфтия. М. Хусаин скончался 17 июля 1824 г. через три месяца после отставки А.Н. Голицына, в результате чего был изменен статус Министерства духовных дел и народного просвещения. 132-й параграф положения о министерстве гласил, что «муфтии избираются по-прежнему магометанами» [Азаматов, 1999, с. 48–49]. С сентября 1825 г. казанские имамы и купцы при поддержке вице-губернатора Жилькина предложили кандидатуру нового старшего ахуна Казани, имама 5-й мечети Габдесаттара, сына покойного Сагита б. Ахмета (Сагитова). Эти сведения были известны и Ш. Марджани в 1880-е гг. [Марджани, 1900, с. 298]. Однако на закате своего царствования император Александр I не стремился к выборам и предложил оренбургскому губернатору представить свою кандидатуру. Им и стал Габдессалам б. Габдаррахим (Г. Габдрахимов), назначенный Указом императора Александра I 30 сентября 1825 г.

Г. Габдрахимов, в свою очередь, вступил в борьбу с казанскими имамами и мударрисами. Если М. Хусаин учился в Бухаре и Кабуле, то Габдессалам б. Габдаррахим получил высшее духовное образование в Казани у Ибрагима Худжаши и в медресе Каргалы у мударрисов Габбаса б. Габдеррашида аль-Кусери и Габдуррахмана б. Мухаммадшарифа аль-Кирмани. С сентября 1799 г. он стал имамом Оренбургской соборной мечети. Как лидер духовенства центра, ОМДС вступил во вполне ожидаемый конфликт с муфтием М. Хусаином в 1802 г. В итоге конфликта в 1805 г. по просьбе хана Малого жуза Айчувака и Оренбургского губернского правления Г. Габдрахимов стал ахуном и мударрисом.

В 1830 г. по указанию властей Г. Габдрахимов принял непопулярное среди мусульман решение, требовавшее отказа от похорон в тот же день, поскольку 9 февраля 1827 г. император утвердил мнение Государственного Совета о погребении умерших через три дня после кончины. Вышеупомянутый старший ахун Казани, имам 5-й мечети Габдесаттар б. Сагит (Сагитов) по запросу Казанского губернского правления указал, что данное решение противоречит шариату. В поддержку его позиции выступил муфтий Таврического магометанского духовного правления. Однако муфтий ОМДС Г. Габдрахимов заявил, что закон 9 февраля 1827 г. можно распространить на мусульман. Данная норма была утверждена Указом Сената 13 мая 1830 г. [ПСЗРИ. II. Т. 5, с. 396–398].

После смерти Г. Габдрахимова в 1840 г. Оренбургское губернское правление не выдвинуло кандидатов, выступило против попытки ряда имамов выдвинуть кандидатом ахуна д. Туркеево Белебеевского уезда Оренбургской губернии Габдельхалика Ахтямова. В итоге решение было принято в Петербурге. В рамках реформ Николая I по созданию бюрократического государства в 1836 г. был создан Устав ОМДС. Император и его брат, великий князь Михаил Павлович, уделяли большое внимание религиозному воспитанию мусульман-военнослужащих.

В крупнейших городах Волго-Уральского региона существовали должности военных ахунов, имамы были назначены в ряд основных военноморских портов, на казенный счет содержались мечети при Казанском пороховом и Ижевском оружейном заводах. С 1850 г. была создана должность главного ахуна башкирско-мещеряцкого войска в лице имама мечети Караван-Сарая в Оренбурге. Из этой среды в 1840 г. был назначен новый муфтий ОМДС Габдулвахид Сулейманов. Первые два муфтия (М. Хусаин и Г. Габдрахимов) были известны как высокообразованные улемы и мударрисы, связанные с властями и национальной буржуазией Оренбургской губернии. Сулейманов не имел такого опыта и образования. С 1822 г. он становится гражданским имам-хатыбом г. Санкт-Петербурга, затем преподавателем мусульманского вероучения в ряде военных учебных заведений столицы. Их куратор великий князь Михаил Павлович сыграл ключевую роль в назначении нового муфтия. Муфтий стремился придать ОМДС статус губернского учреждения, тем самым выведя его из-под контроля оренбургского губернатора. Но усиление контроля властей над мусульманами армии, флота и военных предприятий не означало стремление центра увеличить значение ОМДС. К середине века оно уже не было нужно властям для продвижения вглубь Азии, так как приоритет был отдан вооруженному присоединению Казахстана и Центральной Азии к России [Хабутдинов, 2006, с. 18–21].

Обеспечение догматического единства мусульман округа ОМДС, распространение мечетей и школ на всей его территории, унификация татарского языка как официального языка Собрании заложили основы для складывания этнической общности татар на основе членов его миллета. Но духовенство не обладало системой финансирования, собственностью (*вакфами*), системой сбора налогов (*закята*), системой контроля над положением на местах. Баи — лидеры общин, финансируя функционирование мечети, мектеба или медресе, держали под контролем и программу обучения, кадровую политику и мобильность преподавателей и учащихся. Кадровый состав духовенства контролировался также губернскими правлениями и начальниками кантонов на территории Башкирии. Таким образом, не была выстроена структура религиозной автономии. Основной заслугой духовенства и буржуазии было восстановление системы мусульманского образования на уровне локальных мектебов и медресе в региональных центрах. Практически все мусульмане стали членами официально зарегистрированных приходов. Вместе с тем отсутствовали медресе полного цикла, подобные классическим медресе мусульманских государств. Поэтому первые муфтии ОМДС беспрестанно вели переговоры с казахскими правителями, участвовали в российских миссиях на Северном Кавказе и по делам туркмен. В те годы от мусульман окраин России, прежде всего казахов, требовалось стабильное признание светской власти российских императоров, и духовной власти оренбургских муфтиев. Основным

соперником в этом выступал османский султан и халиф — светский и религиозный глава мусульманского мира в одном лице (ряд мусульман России еще в начале прошлого века именно в нем видели своего законного правителя). В качестве других вариантов правителей выступали бухарские, кокандские и хивинские ханы и муфтии, а для казахов также и китайские императоры.

Для мусульман России было жизненно важным прекращение бесконечных восстаний и мятежей, которые сотрясали огромное пространство Евразии со времени падения Золотой Орды. Новая евразийская империя в лице России завоевывала бывшие территории Улуса Джучи и также стремилась к внутреннему спокойствию, расцвету экономики, к гарантии прав веротерпимости и собственности. Указ Святейшего Синода о веротерпимости 1773 г. открыл дорогу для стабильности в регионе, которая в основном сохранилась до 1917 г. Оренбургские муфтии и духовенство ОМДС, торговцы Казани и Каргалы обеспечили проникновение в Степи русских законов, капиталов, языка. Муфтии сделали многое для воспитания казахской элиты, лояльной к Российскому государству. Эта роль ОМДС была утрачена лишь в 1850-е гг., когда в годы Крымской войны начался поход русской армии вдоль Сырдарьи на юг Казахстана, завершившийся присоединением всей Центральной Азии в 1880-е гг.

Слабость организационных структур ОМДС создавала возможности для реформирования, несравнимые с ситуацией в мусульманских государствах и особенно в Бухаре. Именно дуализм реальной власти, когда духовенство с финансовой стороны зависело от буржуазии, превратил вопрос образовательной реформы в дело доброй воли самой буржуазии. В период жесткой ориентации буржуазии на рынки среднеазиатских государств отход от бухарской догматики был невозможен. Но и в эту эпоху существовало понимание необходимости расширения компетенции ОМДС. В глазах миссионеров именно мусульманское духовенство выглядело основным орудием «отатаривания» и исламизации оседлого и кочевого нерусского населения Поволжья, Южного Урала, Степей и Сибири. Таким образом, на территории башкирских кантонов присутствовали все три группы татарской элиты: землевладельцы, буржуазия и духовенство. На других территориях — только две последние.

В 1850-е гг., после ликвидации Татарских ратуш Казани и Каргалы, как органов олигархической буржуазии, ОМДС оставалось единственным центром концентрации представителей национальной элиты для обеспечения религиозных и образовательных целей. Если ранее казьи избирались в Казанской Татарской ратуше из числа имамов Казанской губернии, то к 1871 г. из тридцати шести избирателей только один представлял Казань и выборы перешли под контроль местных властей. В итоге буржуазия утратила контроль над кадровым составом ОМДС. [Хабутдинов, 2001, с. 88–90].

После смерти муфтия Г. Сулейманова в 1862 г. вновь возникает проект выборов муфтия ОМДС. В это время центром общественной активности выступает новый экономический центр татарской буржуазии — Нижегородская ярмарка. Здесь в качестве кандидата называется ахун Стерлитамака Камалетдин б. Шарафетдин (Ногаев). Свою кандидатуру выдвинули и мусульмане столицы. Проект выборов в 1863 г. поддержал и исполняющий должность оренбургского гражданского губернатора Г.С. Аксаков. Он предлагал избрание делегатов от имамов и муэдзинов, потомственных дворян, купцов 1-й гильдии, потомственных почетных граждан и выпускников вузов и средних учебных заведений. Съезд должен был избрать трех кандидатов на должность муфтия, эту идею поддержали по сути казанский и самарский губернаторы. По проекту профессора Санкт-Петербургского университета А. Казембека, съезд в Уфе должен был избрать трех кандидатов в муфтии. Окончательный выбор принадлежал Министерству внутренних дел. Таким образом, проект был синтезом идей славянофилов о Земском соборе (Г.С. Аксаков был сыном одного из лидеров славянофилов С.Т. Аксакова [Кускильдин, 2005, с. 98; Иванова, 2005, с. 99]), идеи Великих реформ о выборе правительством из трех избранных общественностью кандидатур и идеи о выборности главы миллета. Все эти принципы самоуправления, вероятно, были созвучны «оттепели» рубежа 1850–1860-х гг., но контрастировали с обстановкой, сложившейся после пожаров в Санкт-Петербурге и ареста Н.Г. Чернышевского в 1862 г. и польского восстания 1863–1864 гг. Не случайно, что в 1864 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор, генерал от артиллерии А.П. Безак, ограничился выбором из трех кандидатур, рекомендованных ему местной администрацией. Генерал-губернатор в это время занимался не вопросами самоуправления, а участвовал в разработке планов присоединения Средней Азии к России, и именно он предложил кандидатуру С.-Г. Тевкелева [Азаматов, 1999, с. 56–60]. Оба они участвовали в Русско-турецкой войне 1828–1829 г. и в подавлении польского восстания 1831 г. [Хабутдинов, 2004 (2), с. 321–322; Семенов, 2005, с. 401]. Вероятно, свою роль сыграли родовые (чингизид) и личные (помещик из рода мурз и офицер) связи кандидата, а также его встречи с А. Казембеком.

После смерти самого С.-Г. Тевкелева в 1885 г. с требованием об избрании муфтия выступили как жители двух экономических и интеллектуальных столиц татар — Казани и Каргалы, так и татарские купцы на Нижегородской ярмарке. М. Султанов в итоге был утвержден в 1886 г. министром внутренних дел по представлению уфимских губернских властей [Азаматов, 1999, с. 60–61]. С 1889 г. казыи и кандидаты стали утверждаться МВД по представлению муфтия. Необходимость знания русского языка повысило роль казыев в отношениях с администрацией и в аппаратной деятельности.

Муфтии не были противниками развития образования, но они не предпринимали решительных шагов в этом направлении, во многом

из-за того, что образование мусульман не входило в круг компетенции ОМДС. Ш. Марджани, а затем Р. Фахраддин выразили недовольство деятельностью муфтия С.-Г. Тевкелева из-за его неспособности провести какие-либо реформы. Вначале тот на словах поддержал проект светской школы, созданный Х. Фаизхани и Ш. Марджани, а затем фактически отказал им в помощи. В глазах Ш. Марджани и Р. Фахраддина, муфтии С.-Г. Тевкелев и М. Султанов не справлялись с функцией лидеров мусульманской общины, ее защитников и просветителей [Марджани, 1900, с. 311; Фахраддин, 1904, с. 438–439]. Это создавало почву для действий мусульман в защиту своих интересов помимо официального института ОМДС. В 1870-е гг. началась кампания против преподавания русского языка в медресе, а в конце 1870-х гг. за возвращение к старине в целом [Хабутдинов, 2001, с. 110–112]. Так, 26 и 29 января 1879 г. представители мусульман Казани купцы Юнусов, Апанаев, Азимов и Галеев потребовали аудиенцию у министра внутренних дел для представления петиции. Она содержала требования о разделе имущества по шариату, об освобождении мусульманского духовенства от ведения Министерства народного просвещения, об отмене обязательности знания русского языка имамами, о предоставлении льготы по воинской повинности шакирдам медресе. Они дополнительно просили предоставить право всем мусульманам самим выбирать муфтия и казыев. Губернатору удалось добиться отказа просителей от дополнительных пунктов предполагаемой петиции [Салихов, 1997, с. 36].

Вместе с проектом выборности муфтия возникают проекты реформы собственно ОМДС. Введение местного самоуправления на уровне городов, уездов и губерний происходит при министре внутренних дел П.А. Валуеве. В 1863 г. он выступил за передачу ахунам функции разбора спорных дел в сфере семейного права. В ответ в 1863 г. ОМДС предложило стройный проект создания 65 округов, возглавляемых ахунами. Они приобретали контрольные функции в сферах семейного права, надзора за приходскими имамами, мектебами и медресе. Ахуны должны были представлять ежегодный отчет правлению ОМДС [Азаматов, 1999, с. 93–94].

В противовес идеям улемов о концентрации власти на местах в руках ахунов муфтий С.-Г. Тевкелев представил проект «О правах магометан по вероисповеданию» в 1867 г.. Здесь он фактически выступает за превращение махалли в самодостаточную общину по образцу деревни государственных крестьян, созданную реформой графа Киселева 1837–1841 гг. и близкой ей крестьянской реформой 1861 г. По его проекту возникает должность назира (попечителя). В проекте указывается, что «Всякий приход... избирает назира — попечителя мечети и молитвенного дома — сроком менее трех лет, главная обязанность которого заключается в попечении о средствах мечети и школы, ежели таковая при мечети существует, и попечении [о] благотворительных учреждениях прихода» (п. 13). «Состоящим при мечетях и молитвен-

ных домах духовным лицам и назирам вменяется в обязанность: заведовать внутренним устройством и хозяйством мечетей, молитвенных домов, находящихся при них медресе, школ и благотворительных заведений, где они существуют, каковы богадельни [для] престарелых, сирот и увечных» (п. 14). Назиру «будет предоставлено собирать все рода добровольных приношений как для мечети, так для школ и для благотворительных учреждений, каковым пожертвованиям должен вести счет по каждому предмету отдельно, не смешивая пожертвования в пользу мечети с пожертвованиями на школу и на благотворительные учреждения. Назир же обязывается вести приходо-расходные книги всех вообще пожертвований, каковые счета ежемесячно должны быть засвидетельствованы и подписаны муллою и муэдзином, и в случае желанья прихода, по избранию депутатов от прихода, и повторяемы оным» (п. 15). Самостоятельность власти назира определялась и отсутствием механизма его смещения. В отличие от власти кантонного начальства она была подконтрольна общинникам, но резко сокращала власть имамов. С.-Г. Тевкелев фактически стремится возродить традиции упраздненных башкирских кантонов, где кантонное начальство в лице сотских (1798–1838, 1863–1865) и деревенских начальников (1838–1863) было выше имамов и контролировало сферу собственности [См.: ПСЗРИ. I. Т. 2. с. 189–197; Асфандияров, 2005].

Фактически С.-Г. Тевкелев предлагает выстроить модель системы миллетов, опираясь не столько на власть лидера миллета, а на самоуправление махаллей, что было верным чисто логистически. Тем самым, религиозная община получала бы систему религиозных и благотворительных органов, по типу османских имаретов [Tekeli, 1994, pp. 12–13].

Именно требование контроля над земельными массивами не могло не вызвать сопротивление оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского. Последний назвал С.-Г. Тевкелева «религиозным фанатиком». Затем и он понял, что такая характеристика как минимум странна для гусарского офицера, получившего ордена в сражениях с мусульманскими государствами. Н.А. Крыжановский указал здесь на влияние «магометанского духовенства» [Азаматов, 1999, с. 63]. Нам представляется, что вопрос касался сферы собственности, а не религии. После передачи с 1 февраля 1866 г. в гражданское ведомство населения кантонов начался процесс сокращения их земельных владений. Н.А. Крыжановский находился на посту оренбургского генерал-губернатора феноменальные 16 лет: 1865–1881 гг. Он стал инициатором принятия Указов от 11 февраля 1869 г. и от 4 июня 1871 г. [Давлетбаев, 2007, с. 555], в итоге действия которых площадь башкирских вотчинных земель сократилась от 13,8 млн десятин в начале 1860-х гг. до 6,6 млн десятин к концу XIX века [Акманов, 2007, с. 56–57]. Именно протест против конфискации земель определил программу общественного движения мусульман Приуралья и основу про-

граммы башкирской автономии в 1917 г. Содержание же всех этих религиозных и благотворительных учреждений общины потребовало бы доходов, то есть сохранения за ней общего земельного фонда.

Упразднение Башкирско-мещеряцкого войска в 1865 г. означало утрату контроля дворянства над жизнью общинников. Поэтому дворянство Приуралья стремилось сохранить контроль над земельным фондом общин. Конфликт Ш. Марджани и С.-Г. Тевкелева мог быть вызван и их принципиально разным пониманием соотношения власти имама и назира, то есть духовенства и дворянства в общине. Ш. Марджани являлся основателем модели мутаваллиата (попечительского совета), то есть органа коллегиального и независимого от ОМДС. С.-Г. Тевкелев же постулировал как бы «презумпцию виновности» в отношении духовенства (ст. 51): «Собрание имеет наблюдение о том, чтобы муллы и ахуны не обременяли прихожан вымогательствами за требы, но вместе с тем заботится о средствах мечетей и где есть возможность, то о содержании духовных лиц, извлекая эти средства из вакуфов или имуществ, пожертвованных благотворительными лицами в пользу мечетей и в пользу служащего при мечетях духовенства». Таким образом, имамы и муэдзины имели право контролировать только приходно-расходные книги.

По проекту С.-Г. Тевкелева, ахуны не обладают контрольной функцией в сфере семейного права. «Магометанскому собранию подлежит, кроме того, обсуждение и решение следующих дел: семейные неудовольствия супругов, прелюбодеяния, браки против желания, разводы, разрешение всех жалоб на мулл и ахунов по делам веры, разрешение споров по наследству, ежели спорящие не желают обращаться в судебные места, а хотят рассудиться по шарияту; рассмотрение дел между детьми и родственниками в пределах семейного быта» (п. 55). ОМДС, а не ахунам передаются и функция ревизий: «Помощник муфтия и муфтий ежегодно должны по возможности обревизовать медресе и мечети, обращая особое внимание как на познание учащих и учащихся, так и на самое направление образования, и отчет о ревизиях своих обязаны представлять по окончании оных в Департамент иностранных исповеданий» (ДДИИ). «Если же... ни муфтий, ни его помощник не могут отправиться в продолжение года для ревизии медресе, то они поручают эту обязанность... ахунам, но в таком случае отчет о ревизии школ представляется ахунами муфтию и от него с замечаниями муфтия и его помощника в Департамент иностранных исповеданий» (п. 47).

В разделе 6 «О назначении и предметах обязанностей ахунов» указывается, что они избираются «для исследования и дознания о проступках мулл, муэдзинов и назиров мечетей духовным магометанским начальством». Они «утверждаются в должностях по представлению муфтия и местным начальством губернии» (п. 22). При этом «ахун отправляется по делам службы в другие приходы только в случаях жалоб на мулл, поступивших к нему от прихожан, и по поручениям своего

духовного начальства, вообще по делам веры и духовных лиц» (п. 24). Таким образом, по сравнению с проектом ОМДС 1863 г. ахуны теряют функцию контроля в сфере семейного права, то есть доступа к простым прихожанам. Они могут расследовать деятельность имамов и назиров не по собственной инициативе, а по просьбе самих прихожан или по указанию правления ОМДС. При этом «ахуны ...заботятся об улучшении училищ, медресе и благотворительных учреждений» (п. 27), но здесь не прописан механизм контроля.

С.-Г. Тевкелев отказывался от принципа избрания муфтия, тот по представлению Министерства внутренних дел утверждался указом императора, а «помощник его — по представлению муфтия к Министру внутренних дел высочайшим объявленным Правительствующим Сенатом повелением» (п. 34). С.-Г. Тевкелев особо указывал, что «на должности муфтия и его помощника могут быть назначены не только духовные, но и другие достойные из магометанских мурз и дворян лица, пользующиеся уважением магометанского общества, хотя бы они дотоле не имели духовного звания» (п. 35). Такая постановка вопроса обозначала фактическую потерю монополии улемов на руководство ОМДС. Мурзы превращались в основную группу национальной элиты в округе ОМДС, контролируя посты муфтия, помощника муфтия и мудиров. С.-Г. Тевкелев не отрицал принципа избрания казыев. В п. 36 утверждалось: «в члены, заседатели Собрания, на каждое 3-летие назначаются заслуженные участковые ахуны и заслуженные муллы не одной Казанской, но и других губерний по выбору местного духовенства на общем для выборов основании». Он отрицал монополию улемов Казанской губернии на занятие должностей казыев. Таким образом, понятна критическая позиция Ш. Марджани, для которого программа С.-Г. Тевкелева обозначала подрыв позиций улемов в целом и улемов Казанской губернии в частности. Однако и российские власти не были готовы признать такие права мурз как право на образование корпораций.

Проект С.-Г. Тевкелева не соответствовал и геополитическим реалиям, по которым Волго-Уральский регион превратился в тыловую зону: в 1864 г. началось решительное наступление на Среднюю Азию, в начале 1865 г. была образована Туркестанская область и занят Ташкент — ключ ко всему региону Средней Азии. 11 июля 1867 г. было учреждено отдельное от Оренбургского Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее в себя Семиреченскую и Сырдарьинскую области. Оно охватывало наряду с непосредственно Средней Азией южные и восточные регионы Казахстана [Абашин и др., 2008, с. 73–76, 87–93].

Поэтому нельзя полностью солидаризироваться с критической позицией Ш. Марджани и Р. Фахраддина. От Крымской войны (1853–1856 гг.) до Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) Россия и тюркомусульманский мир находились в состоянии прямой вооруженной конфронтации. Османская империя была хотя и неэффективным, но

союзником государств Средней Азии, завоеванных тогда Россией. И в дальнейшем в ходе войн на Балканах Россия всегда оказывала поддержку противникам Османской империи, вплоть до решения вступить в I мировую войну на стороне Сербии в 1914 г.

В этих условиях муфтиям приходилось быть дипломатами. Мухаммедъяру Султанову, сыну начальника кантона и студенту, не завершившему курс обучения в Казанском университете, было намного сложнее вписаться в сановные верхи, чем чингизиду и блестящему офицеру Салим-Гирею Тевкелеву. Но он всегда подчеркивал уникальную роль Оренбургского муфтия как лидера, представителя многочисленной российской уммы. Так, в январе 1890 г. от имени Духовного собрания и муфтия Мухаммедъяра Султанова поступил благодарственный адрес на имя императора в честь 100-летия учреждения Оренбургского духовного собрания, подписанный 62 духовными и светскими лицами, включая ряд ахунов, имамов, прихожан и шакирдов из Казани, Казанского уезда, Стерлитамака, Касимова, Симбирска и Троицка [Тарджеман, 15.01.1890].

С 1890-х гг. распространенной становится критика членов Собрания. Казанский купец и один из лидеров мусульманской общины города А. Сайдашев обвинил муфтия М. Султанова, обещавшего защищать перед правительством нужды мусульман, но реально ничего не делавшего для этого, в предательстве интересов татар [Салихов, 1997, с. 41].

Утверждение на должность муфтия ОМДС светских деятелей С.-Г. Тевкелева и М. Султанова не вызвало особого сопротивления в татарском обществе. До конца XIX в. татарская элита надеялась на то, что муфтий сосредоточит свою деятельность на защите гражданских и политических прав мусульман, реформе их образовательных и религиозных учреждений. М. Султанов не смог добиться реальных успехов. Если в начале XIX в. оппозиция в лице абызов была в целом нейтрализована руками ОМДС, то к концу века неспособность муфтиев провести реформы и выступить в качестве посредников между мусульманами и властями во многом породила новый этап развития общественного движения. Сопротивление в 1890-е гг. норме обязательного знания русского языка для имамов стало важным фактором для общественной консолидации. Отсутствие у муфтиев богословского образования подрывало их авторитет. Вакуум власти в татарском обществе не мог не привести к усилению альтернативных источников светского и религиозного лидерства. Первую нишу начинает занимать буржуазия, вторую — суфии. Их основными центрами стали Казань и Троицк в лице своей буржуазии, а среди суфиев шейх накшбандийи З. Расули и его казанский мюрид Г. Баруди [Хабутдинов, 2000, с. 70–73].

Новый этап разработки проектов по реформированию ОМДС связан с российской революцией 1905–1907 гг. 10–15 апреля 1905 г. в Уфе

при Духовном собрании под председательством муфтия М. Султанова прошло заседание «Улама жэмгыяте» («Общества улемов»). Совещание было создано по указанию Председателя Кабинета Министров Сергея Витте для составления официального доклада, касающегося проблемы мусульманской общины. Улемы представляли огромное пространство империи от Петербурга до Томска и от Астрахани до Перми.

Первым докладчиком был муфтий ОМДС М. Султанов. В качестве возможного образца для реформы ОМДС он предложил рассмотреть высочайше утвержденное положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства 5 апреля 1872 г. При этом они вошли в состав свода законов Российской империи.

Основным докладчиком был казый Р. Фахраддин. Он предложил создать пост Шейх-уль-Ислама как единого лидера российских мусульман, избираемого ими самими, в ранге имперского министра. Единый религиозный орган российской уммы — Собрание (Управление) во главе с Шейх-уль-Исламом располагается в столице, оно должно состоять из казыев-улемов. Представители всех мазхабов должны быть консультантами Управления духовных дел иностранных исповеданий. На местном уровне предлагалось создание губернских правлений, по образцу Закавказья. При этом Р. Фахраддин в присущей ему компромиссной манере рекомендовал обсудить эти предложения [Биги, 1915, с. 39–41]. Именно в Закавказье по Положению 1872 г. сложилась достаточно стройная трехуровневая система управления:

- 1) низшая — приходское духовенство;
- 2) средняя — губернские медресы в лице председателя-казыя и двух членов;
- 3) высшая — Духовное правление в лице муфтия и трех членов. [Ислам в Российской империи, 2001, с. 235–244].

Вместе с тем Р. Фахраддин выступил против возможной концентрации власти на уровне губернских медрес, возглавляемых в ОМДС ахунами, по примеру Закавказья. В своем проекте Р. Фахраддин остановился на уровне ОМДС, он был сторонником сосредоточения властей в руках непосредственно Духовного собрания в лице муфтия и казыев. В лице муфтия он видел посредника между миллетом и правительством. При этом муфтий должен обладать как религиозными, так и светскими знаниями. Р. Фахраддин говорит о необходимости достижения стандартов культурной (цивилизированной) нации. [Биги, 1915, с. 53–56].

Наиболее целостным был проект Ю. Акчуры, затрагивавший только уровень ОМДС. По нему «духовенство делится на две группы: а) высшее — муфтий, ахун, мухтасиб, мударрис; б) приходское — имам-хатиб, имам-мударрис, муэдзин». Мы используем здесь термин «духовенство», но в отличие от «указных мулл» эти лица не должны были получать утверждение от органов администрации на местах. Как

и в проектах 1860-х гг. Ю. Акчура предлагал двухуровневые общенародные выборы муфтия, причем на втором этапе выборщики избирались бы примерно от 50 приходов. Съезд выбрал бы три кандидатуры, при окончательном решении по усмотрению императора.

Ю. Акчура предлагал разделить духовные лица на три группы: «Ахуны, мухтасибы, мударрисы обладают правами и обязанностями по закону. Ахуны управляют и контролируют вопросы правосудия в рамках махаллей, мухтасибы — финансовые и организационные вопросы, мударрисы — вопросы образования. Каждый из них является руководителем местного духовенства в означенных вопросах» (п. 12). Тем самым мы фактически видим здесь принципы, положенные в основу создания Милли Идарэ (Национального управления) в 1917 г. Здесь в рамках ОМДС возникают основы трех ведомств (назаратов): духовного, финансового, образования. В Духовное управление входят шесть казыев — два ахуна, два мухтасиба, два мударриса. Один из шестерых, по решению муфтия, считается старшим кадием, заместителем муфтия (п. 15). В 1917 г. эту последнюю позицию займет Р. Фахраддин, хотя и не сразу приедет в Уфу и приступит к деятельности. При этом «Духовное управление состоит из муфтия и шестерых казыев, подразделяется на три управления: 1) отдел юридический, состоит из ахунов. 2) отдел управления, состоит из мухтасибов. 3) отдел образования, состоит из мударрисов» (п. 17). Отметим, что в 1917 г. Милли Идарэ состояло из председателя и членов трех ведомств. При этом каждое из ведомств, в свою очередь, состояло из председателя и шести членов [Айда, 1996, с. 334–335].

Ю. Акчура предлагал вариант коллегии, где муфтий оказывался лишь одним из семерых. При этом члены Духовного управления избираются. Казьи выбираются высшим духовенством из своего числа, Духовное управление собирает выборные листы, подписанные ахунами, мухтасибами, мударрисами и содержащие 1–2–3 имени, отбирает двенадцать человек, набравших наибольшее число голосов и представляет в МВД. Министр внутренних дел отбирает шестерых из двенадцати. Казьи избираются на 4 года. Каждые два года переизбираются по три казьи (п. 15) [Биги, 1915, с. 42–47].

Записку Ю. Акчуры подписали будущие участники I Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде, среди них будущие депутаты I Государственной думы: А. Ахтямов, М.-З. Рамиев (Дардменд), С.-Г. Алкин. После закрытия совещания была создана комиссия по доработке петиции. В нее вошли будущие депутаты I Государственной думы и лидеры «Иттифак аль-муслимин» мурза полковник К.-М. Тевкелев, член Уфимского губернского присутствия С.-Г. Джантюрин, адвокаты А. Ахтямов и С.-Г. Алкин, золотопромышленник М.-З. Рамиев (Дардменд), а также казый Р. Фахраддин, члены Окружных судов Дж. Сайдалин и Г. Тимуров, имам Г. Апанай, промышленники И. Акчурин и Ю. Дебердеев. 12 мая 1905 г. петиция с

сопроводительным письмом муфтия была направлена в МВД [Арапов, 2004, с. 188–189].

В окончательном проекте также предусматривалась трехуровневая система управления:

1. «Приходское» духовное управление во главе со старшим в приходе имамом. Управления приходских имамов должны обеспечивать монопольный контроль над общественной жизнью приходов. Имамы избираются всем населением прихода (ст. 3).

2. Вилайат меджлисе — управление ахунов округа, в которой входили бы около 100 приходов. Он состоит из трех членов: казый (председатель) и два члена из хатибов и мударрисов (ст. 7).

3. Духовное собрание — Центральное правление, состоящее из муфтия и шести казыев (ст. 51).

На съезде округа ОМДС избирались бы три кандидата, из которых императором утверждался один муфтий (ст. 50) [Биги, 1915, с. 112–116].

Решения «Улама жэмгыяте» (Общества улемов) были публично озвучены 22–25 июня 1905 г., когда в Уфе прошло «совещание доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся мусульманской религии». Здесь предусматривалась трехуровневая система управления:

1. «Приходское» духовное управление во главе со старшим в приходе имамом. Управления приходских имамов должны обеспечивать монопольный контроль над общественной жизнью приходов (ст. 44). Имамы избирались бы всем населением прихода.

2. Управление окружных ахунов — среднее звено управления на уровне уезда. Его полномочия приравнивались к полномочиям уездных учреждений «в сфере духовно-религиозных, духовно-учебных и нравственно-воспитательных». Намечался принцип строгого распределения полномочий: «Управлениям окружных ахунов вменяется в обязанность не возлагать на гражданские власти какие-либо поручения, входящие в круг обязанностей самого окружного управления, и не позволять себе ни в каком случае вмешиваться в круг их обязанностей и правил». Ведение всего делопроизводства в этих окружных учреждениях предполагалось на татарском языке. Управления окружных ахунов получают «право созыва приходского или сельского... обществ для обсуждения... и вообще о делах прихода», а также право постановки приговора (ст. 32). Ахуны избираются духовенством округа.

3. Высшим духовным чином предполагался муфтий, избираемый мусульманским населением всего округа ОМДС и отбираемый императором из трех представленных кандидатур. Он получал ранг единоличного главы миллета с правом доклада императору (ст. 47).

Высшим органом миллета является съезд высшего духовенства, проводимый раз в 3 года «на предмет рассмотрения и обсуждения во-

просов принципиального свойства, выдвигаемых жизнью, и согласования разрешения таковых с правилами шариата» (ст. 49). [Протокол, 1905, с. 1–12].

Так как идея религиозной автономии была наиболее близка и понятна большинству татарского населения, то этот проект предусматривал создание автономного миллета по оттоманскому образцу. Предполагалось создание и квазипарламента автономии в лице регулярного вышеупомянутого съезда высшего духовенства. Он продолжает идею 1860-х гг. о созыве съезда для выборов муфтия, но здесь мы видим регулярный характер съездов, и решение на них ключевых проблем современности. При этом съезды носят узко корпоративный характер, превращаясь в подобие православных архиерейских Соборов. Таким образом, сами члены ОМДС, улемы и имамы, представители интеллигенции, буржуазии и мурз единодушно выработали план единой религиозной автономии мусульман России, выражавший чаяния всей российской уммы [Хабутдинов, 2001, с. 197–198].

13–23 января 1906 г. в Петербурге прошел II Всероссийский мусульманский съезд [Ульфат, 2.02.1906]. Съезд рассмотрел программу партии «Иттифак аль-муслимин». Она предусматривала создание правового конституционного государства при равноправии всех религий и наций. Вопросы брака, развода, наследования оставались в сфере ведения шариатских судов. Особый интерес представляет раздел об экстерриториальной автономии, которая рассматривается как автономия религиозная. Мусульмане получали право на создание религиозного центра, избрание духовенства, создание мусульманских обществ. В их руки переходили мектебы, медресе, мечети, места поклонения, благотворительные организации и вакфы. При этом не назывались конкретные духовные управления и должности и не говорилось о создании общероссийской централизованной структуры. В предисловии к программе Муса Биги заявлял, что она соответствует основам шариата [Топчибашев, 1906, с. 3–15].

Пиком мусульманского политического движения в 1905–1907 гг. явился III Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде. Согласно программе реформы управления духовными делами, в России создавались пять Махкама-и-Исламия (Мусульманских собраний) — Оренбургское, Таврическое, Туркестанское и два на Кавказе. Им передавались все религиозные дела мусульман, включая контроль над медресе, мечетями и вакфами, утверждение духовных лиц и судопроизводство по вопросам брака, развода, наследования. Средний уровень (то есть уровень ахунов) должны были составлять губернские и уездные межлисы духовенства. Главой мусульман России избирался Раис аль-улама, в ранге имперского министра, имеющий право личного доклада императору. Все духовенство избиралось только мусульманами. Рекомендация И. Гаспринского избрать казанского имама Галимджана Баруди на должность Раис аль-

улама обозначала открытый разрыв с системой официального религиозного устройства [1906 сэнэ..., 1906].

Сразу после Февральской революции 1917 г. национальные деятели Уфы взяли под контроль Оренбургское духовное собрание и сместили муфтия С. Баязитова и казья Г. Капкаева. Для управления Духовным собранием была создана комиссия из 16 человек под председательством имама Хабибуллы Ахтямова [Тормыш, 12.03.1917; 14.03.1917]. 31 марта соратник Г. Баруди имам К. Тарджемани утверждал, что помимо религиозной автономии необходима автономия культурная. В Казани было восстановлено существовавшее в дни российской революции 1905–1907 гг. Общество духовенства [Йолдыз, 25.03.1917], которое 26 апреля приняло проект, в котором национальная автономия охватывала религиозные, национальные и культурные вопросы. В вопросе структуры автономии предлагалось равенство органов религиозной и светской автономии. Центральными органами культурной автономии провозглашались Центральный религиозный совет (Марказ Дини Шура) и Национальный совет (Милли Шура), которые состояли соответственно из 5 муфтиев и 5 мудиров от 5 вилайатов (областей) с предположительными центрами в Казани, Астрахани, Оренбурге, Уфе и еще одном регионе. Управление вилайатами (где имеются представительные медресы) осуществляется коллегиями из пяти представителей. Каждый вилайат состоял из нахий (районов) по 100 приходов. В нахии создавалась коллегия из 3 ахунов и 3 муфаттишей (контролеров). В каждой махалле (приходе) создавалось Дини Идарэ (Религиозное управление) и Милли Идарэ (Национальное управление). Главой местного Дини Идарэ становился имам, а главой Милли Идарэ — избираемое лицо [Йолдыз, 28.04.1917].

Таким образом, в 1917 г. именно улемы первыми выдвинули проект национальной автономии. Этот вариант коренным образом отличался от решений всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 гг. концентрацией на сугубо татарском, а не общероссийском уровне, но соответствовал проектам, предлагаемым на IV Всероссийском мусульманском съезде 1914 г. [Миллет, 21.08.1914]. Проект также напоминает вариант уфимского июньского совещания 1905 г., поскольку сохраняет структурную вертикаль муфтий–ахун–имам. Наряду с высшей духовной властью муфтиев постулируется исполнительная власть мудиров (см. проект С.-Г. Тевкелева), а на более низком уровне параллельно с властью ахунов создается структура исполнительной власти муфаттишей. Представительные органы — медресы избираются всем населением, а не только имамами. Вся власть принципиально носит коллегиальный характер. Структура коллегий стала основой для исполнительных органов автономии (идарэ) в центре и на местах. Показателен также учет самостоятельности основных национальных центров, что было реализовано при формировании коллегий назаратов Милли Идарэ в дальнейшем. Основными недостатками проекта являются фрагмен-

тизация нации на пять фактически автономных частей по территориальному признаку, а также деление на светские и религиозные органы в отсутствие единого лидера. Фактически раздробленной по тому же признаку оказывалась система образования. Такой вариант не мог поддерживаться национальными лидерами, которые всегда выступали сторонниками единой автономии. В итоге Г. Баруди был избран муфтием — председателем ОМДС на I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г., а на II Всероссийском мусульманском съезде в июле 1917 г. преемник ОМДС — Диния назарат (духовное ведомство) стало одним из министерств правительства национально-культурной автономии — Милли Идарэ. Именно религиозные органы в лице ОМДС дали возможность выстроить единство мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири от приходов до единой общенациональной автономии, причем эти планы разрабатывались в течение более 100 лет...

Сокращения

БЭ — *Башкирская энциклопедия*. Уфа.

ИЕВ — *Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь*. Казань, 2004.

ПСЗРИ I — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: В 45 т.

ПСЗРИ II — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г.: В 55 т.

Список источников и литературы

1906 сэнэ 16–21 августта ижтимаг итмеш Русия Муслеманнарынын нэдрвэсе. Казань, 1906.

Абашин и др., 2008 — *Центральная Азия в составе Российской империи* / Авт. кол.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова и др.; Отв. ред. С.Н. Абашин и др. М.: НЛО, 2008.

Азаматов, 1999 — Азаматов Д.Д. *Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII — XIX в.* Уфа, 1999.

Азаматов, 2005 — Азаматов Д.Д. Ахун // БЭ. Т. 1. 2005.

Азаматов, 2008 — Азаматов Д.Д. Мухтасибат // БЭ. Т. 4. 2008.

Айда, 1996 — Айда А. *Садри Максуди Арсал*. М., 1996.

Акманов, 2007 — Акманов А.И. Землевладение // БЭ. Т. 4. 2007.

Арапов, 2001 — *Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика)* / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.

Арапов, 2004 — Арапов Д.Ю. *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.)*. М., 2004.

Арапов, 2006 — *Императорская Россия и мусульманский мир: Сборник документов* / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006.

Асфандияров, 2005 — Асфандияров А.З. *Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.)* Уфа, 2005.

Биги, 1915 — Биги, Муса Джаруллах. *Ислахат асалары*. Пг., 1915.

Давлетбаев, 2007 — Давлетбаев Б.А. Крыжановский Н.А. // БЭ. Т. 4. Уфа, 2007.

Денисов Д.Н., Хабутдинов А.Ю. Каргала // *Ислам на Урале: Энциклопедический словарь*. М.; Н. Новгород, 2009.

Денисов, 2009 (1) — Денисов Д.Н. Габдессалам б. Ураи // *Ислам на Урале: Энциклопедический словарь*. М.–Н. Новгород: Медина, 2009.

Денисов, 2009 (2) — Денисов Д.Н. Абдрахман б. Мухаммедшариф аль-Кирмани // *Ислам на Урале: Энциклопедический словарь*. М.–Н. Новгород: Медина, 2009.

- Загидуллин, 2009 — Загидуллин И. Проект «Устава управления духовными делами магометан» 1867 г. оренбургского муфтия С. Тевкелева // Гасырлар авазы. 2009. № 1. С. 18–28.
- Иванова, 2005 — Иванова Г.О. Аксаков С.Т. // БЭ. Т. 1. Уфа, 2005.
- Йолдыз.*
- Кулбахтин И., Кулбахтин Н., 2005 — Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. *Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.* Уфа, 2005.
- Кускильдин, 2005 — Кускильдин Д.Г. Аксаков Г.С. // БЭ. Т. 1. Уфа, 2005.
- Марджани, 1900 — Марджани Ш. *Аль-кысм ас-сани мин китаб мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Болгар.* Казань, 1900.
- Материалы, 1936 — *Материалы по истории Башкирской АССР.* Т. 1. М.–Л., 1936.
- Материалы, 1960 — *Материалы по истории Башкирской АССР.* Т. 5. М., 1960.
- Медресе Казани — *Медресе г. Казани XIX — начала XX в.: Сборник документов и материалов.* Казань, 2007.
- Миллет.* Орган мусульманской фракции Государственной думы, 1906.
- Протокол, 1905 — *Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения Господина Министра Внутренних Дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии.* Уфа, 1905.
- Салихов, 1997 — Салихов Р.Р. *Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина 19 — начало 20 в.): Дис... канд. истор. наук.* Казань, 1997.
- Семенов В.Г., Семенов В.П. Безак // БЭ. Т. 1. Уфа, 2005.
- Тарджеман.* Бахчисарай
- Ташкин, 1922 — Ташкин С.Ф. *Иностранцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии.* Казань, 1922.
- Тормыш.*
- Топчибашев Г.-М. Русия моселманнары иттифакынын программасы. СПб., 1906.
- Ульфат.* СПб., 1905–1907.
- Фахраддин, 1901 — Фахраддин Риза ад-дин. *Асар.* 1 жилд. 2 жозья. Оренбург, 1901.
- Фахраддин, 1902 — Фахраддин Риза ад-дин. *Исламнэр хакында хокумэт тэдбирлэре.* Оренбург, 1902.
- Фахраддин, 1903 — Фахраддин Риза ад-дин. *Асар.* 1 жилд. 4 жозья. Оренбург, 1903.
- Фахраддин, 1904 — Фахраддин Риза ад-дин. *Асар.* 1 жилд. 8 жозья. Оренбург, 1904.
- Хабутдинов, 2005 — Хабутдинов А. Духовное Управление мусульман между реформами и революциями (1862–1917) // *Минарет.* 2005. № 1.
- Хабутдинов, 2009 — Хабутдинов А. Нормы ханафитского мазхаба среди мусульман округа Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII — начале XIX в. // *Минарет.* 2009. № 3–4.
- Хабутдинов, 2006 — Хабутдинов А. Российские муфтии. От екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). Н. Новгород, 2006.
- Хабутдинов, 2000 — Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского Духовного Собрания в конце XVIII–XIX веке. Казань, 2000.
- Хабутдинов, 2001 — Хабутдинов А.Ю. *Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века.* Казань, 2001.
- Хабутдинов, 2004 (1) — Хабутдинов А. Габдрахимов Г. // *ИЕВ.*
- Хабутдинов, 2004 (2) — Хабутдинов А. Тевкелев С.-Г. // *ИЕВ.*
- Hallaq, 2005 — Hallaq, W. *The Jurisconsult, the Author-Jurist, and Legal Change // Authority, Continuity and Change in Islamic Law.* Cambridge, 2005.
- Tekeli, 1994 — Tekeli, I. *The Development of the Istanbul Metropolitan area: Urban Administration and Planning.* Istanbul, 1994.